

Научная статья

УДК 297 «15»

doi: 10.47475/1994-2796-2022-10207

ОБРАЗ БЛАГОЧЕСТИВОГО МАЛЬЧИКА В МУСУЛЬМАНСКИХ АГИОГРАФИЧЕСКИХ СОЧИНЕНИЯХ (МАНАКИБ) МАВЕРАННАХРА XVI В.

Лутфулло Эшонович Исмоилов

Казанский федеральный университет, Казань, Россия, ismoilov-62@mail.ru, ORCID: 0000-0001-8675-349X

Аннотация. В истории святости большинства мусульманских мистиков детский период их развития (включая младший и старший периоды) имеет важное значение. Именно с периода взросления начинается их первое религиозное обращение. Судя по сведениям изучаемых мусульманских агиографических сочинений (манакиб), причиной побуждения к такому акту послужили ниспосланные им божественные знаки (тадж. иноят-и Хакк) в разных формах и видах. Далее, как свидетельствуют житийные материалы, их первое религиозное обращение обычно начинается после внезапной встречи с незнакомым праведником или после случайной находки книги Корана — «слова божьего» и пр. Такие разнообразие знаки свидетельствовали, что эти невинные дети были избраны в качестве показа величия Бога и чтобы они в будущем в качестве предводителя народа (пешво-и халк) довели тайны божественной силы до людей. В дальнейшем эти ниспосланные знаки стали побудительной силой трудных поисков Истины и реализации своей религиозной миссии. Источниковедческой базой исследования стали мусульманские агиографические сочинения Мавераннахра XVI в., посвященные таким известным суфийским шейхам (учитель), как шейх Хусейн Хорезми (ум. в 1551 г.), шейх Ходжаги Ахмад Косони (ум. в 1542 г.), Ходжа Ислам Джуйбари (ум. в 1563 г.), шейх Худойдод Азизон (ум. в 1534 г.). Эти манакибы содержат важные житийные рассказы о детском периоде становления будущего святого, о противоречиях и сложностях такого процесса. Предметом исследования данной статьи является изучение особенностей религиозно-духовного становления суфия начиная еще с детского или довольно раннего возраста. Цель исследования заключается в изучении феномена детства, его места и значения в истории мусульманской святости (вилаят), и конкретного суфия в частности, в истории суфизма в целом. Новизна настоящего исследования заключается во введении в научный оборот новых сведений, содержащихся в мусульманских агиографических сочинениях XVI в. в Мавераннахре касательно духовного становления святых (авлиё/аулийа) ещё в детском возрасте.

Ключевые слова: Мавераннахр, суфизм, манакиб, рождение, детство, религиозное обращение, святость, суфийский шейх

Для цитирования: Исмоилов Л. Э. Образ благочестивого мальчика в мусульманских агиографических сочинениях (манакиб) Мавераннахра XVI в. // Вестник Челябинского государственного университета. 2022. № 2 (460). Философские науки. Вып. 63. С. 50—56. doi: 10.47475/1994-2796-2022-10207.

Original article

THE IMAGE OF THE PIOUS BOY IN MUSLIM HAGIOGRAPHIC WORKS (MANAKIB) OF MAWARANNAHR IN THE 16TH CENTURY

Lutfullo E. Ismoilov

Kazan Federal University, Kazan, Russia, ismoilov-62@mail.ru, ORCID: 0000-0001-8675-349X

Abstract. In the history of Sufi sainthood of the most Muslim mystics, the childhood period (including the earlier and later stages) of their development occupies an important place. It is from this period of growing up that their first religious act begins. According to the studied Muslim hagiographic works (manakib), this act was motivated by the divine signs (inoyat-i Haqq) in various forms and kinds. Further, as the hagiographic materials testify, their first religious act usually began after a sudden encounter with a strange holy man, after a chance discovery of

the Koran, “the Word of God,” and other. Such various signs testified that these innocent children were chosen to show the greatness of God and to become future leaders of the people (peshvo-i khalk) and to bring the mysteries of divine power to the people. Later on, these sent down signs encouraged the heroes to go on a difficult search for the Truth and to carry out their religious mission.

The historiographical basis for this study was the Muslim hagiographic works of 16th century of Transoxiana dedicated to such famous Sufi sheikhs (mentors) as Sheikh Hussein Khwarizmi (d. in 1551), Sheikh Hojagi Ahmad Kosoni (d. in 1549), Khoja Islam Juybari (d. in 1563), Sheikh Khudoed Azizon (d. in 1534). These manakibs contain important hagiographic accounts of the childhood period of the future saints, of the contradictions and complexities of this process. The subject of this article is the study of the peculiarities of religious and spiritual formation of a Sufi at a fairly early age. The aim of the research is to study the phenomenon of childhood, its place and significance both in the history of sainthood of a particular Sufi and in the history of Sufism in general. The novelty of this article lies in the introduction of new information contained in the Muslim hagiographic works of the 16th century in Mawarannahr.

Keywords: Mawarannahr, Sufism, manakib, birth, childhood, sanctity, religious conversion, sufi sheikh

For citation: Ismoilov LE. The image of the pious boy in Muslim hagiographic works (*manakib*) of Mawarannahr in the 16th century. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2022;(2(460):50-56. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2022-10207.

Введение. В исследуемых мусульманских агиографических сочинениях (*манакиб*) часто повествуется о рождении святого младенца и чудесах, которыми оно сопровождается или о внезапном обращении ребенка к суфийским ценностям. По представлению автора *манакиба*, детство — это незначительный по времени, но очень важный период для духовного становления в жизни человека. Известно, что естественное детское обаяние присутствует у всех детей. Поэтому такие их особенности как невинная чистота и непорочность привлекает суфиев в качестве духовного примера, подражания и вдохновения.

В контексте исследуемой темы, мы ниже рассматриваем некоторые ключевые моменты в духовной биографии ряда известных суфиев позднесредневекового Мавераннахра.

Материалы и методы. *Шейх Хусейн Хорезми* (ум. в 1551 г.). Этот известный *кубравийский* шейх родился приблизительно в период 1471—1474 гг. в Хорезме. Его предки были из города Андижана. Автор агиографического сочинения «*Джодат-улошикин*» («Широкая дорога любящих истину»), посвященного этому *кубравийскому* суфию пишет, что следы святости (тадж. *осор-и вилоят*) у будущего *аулия* (*авлиё*) обнаружили у ещё в раннем детстве.

В вышеуказанном *манакибе* рассказывается, что однажды зимой в г. Урганче (в *манакибах* этот город называется еще Хорезм) некий мальчик по имени Хусейн играл с ровесниками на улице в пасмурный морозный день. Во время игры мимо детворы прошёл незнакомый человек. Судя по канонам мусульманской агиографии, будущий *аулия* обычно случайно встречается с этим загадочным человеком. Следы распространенной в

манакибах темы «святой и мальчик» встречается в различных *манакибах* разных эпох истории мавераннахрского суфизма.

Продолжение того вышеприведенного рассказа гласит, что никто не обратил внимания на незнакомца. Только маленький Хусейн внимательно смотрел на него. Это был мужчина в лохмотьях, без обуви и головного убора. Он шёл по снежному покрову спокойно, будто под его ногами разложили хлопок. Незнакомец заметил взор мальчика, обернулся и подошёл к нему [9, л. 28а]. Он вывел мальчика из толпы, искренне общаясь с ним, дал ему власяницу (*хирка*), горячую лепёшку и копеечку (*тангача*). Незнакомец попрощался с мальчиком и продолжил свой путь.

Внешнее безобразие и уродство праведников не только выделяют их на общем фоне, но и определённым образом освящают их. Ради безопасности они часто выдавали себя за юродивых. Вообще образ юродивых (*мачзуб*), бесноватых и блаженных занимает в *манакибах* особое место. Приезд или появление незнакомца (*азиз-е*) открывает новую, переломную страницу в биографии будущего святого. Тему «внезапного появления незнакомца», другой личности в жизни будущего суфия исследователь обнаруживает и в других житийных текстах. Стоит подчеркнуть важность раннего мистического опыта в формировании личности взрослого. Когда к Хусейну, тогда ещё ребёнку, впервые обратился тот незнакомый человек, он почувствовал доверие к блаженному и в нём зародилась особая ответственность. Детство Хусейна, прерванное встречей с незнакомым человеком, вошло в новую стадию. С этого момента какая-то таинственная внутренняя сила вдохновляет его уйти в неизвестность. И он получает эту

руководящую мотивацию через неизвестного человека.

Появление этого праведника-пришельца означает наступательную силу будущего. Он привносит перемены как носитель божественных сил. В житийных произведениях наряду с появлением странного незнакомца происходит и обратный процесс, то есть его внезапное исчезновение. Такое явление, как внезапное появление и исчезновение постороннего праведника, исследователь находит во многих местах *манакиба*. Это один из любимых и достаточно распространенных в Мавераннахре сюжетах об исчезнувшем мусульманском святом (*аулия* / *авлиё*).

Судя по агиографическому сюжету, однажды мальчик Хусейн увидел на улице того же Лутфулло-шейха, который беседовал со своим *муридом* по имени Сайид Орка Бухуджи, одетого в ужасные лохмотья. Известно, что суфии не заботились ни о своем внешнем виде, ни об одежде, хотя строго соблюдали ритуал очищения, необходимый для молитв. Хусейн направился к этому святому (*авлиё* / *аулия*), но тот на сей раз не обратил внимания на мальчика и удалился.

С этого момента мальчик впал в глубокую психическую депрессию [9, л. 296]. Он надел лохмотья, покинул родительский дом и направился в сторону пустынь Хорезма. Здесь исследователю почти не удается описать состояние его духовного сознания. Это было первое религиозное переживание мальчика. Он воплощал в себе идею наивного, невинного, неиспорченного и мудрого мальчика, который живет вдали от человеческой суеты и страстей.

Скоро мальчик тоже стал внешне похож на того мусульманского мистика — Сайида Орка Бухуджи. Ровесники, заметив его неуравновешенное поведение, гонялись за ним, кидались камнями и обзывали Сайидом Орка Бухуджи. Мальчик в сильном душевном порыве отверг существующие рамки запретов. Он стал *мачзубом* (юродивым), человеком безумного вида, не знающим ни приличий, ни стыда, «освобожденным» Богом от нормального состояния и живущим в любовном союзе с Ним. Как показывает история святости шейх Хусейна Хорезми, впоследствии он превратился из объекта всеобщего посмешища в известный, общепризнанный лидер суфийского братства *кубравийа*.

Как выше отмечено, тема «святой и мальчик» встречается и в других жизнеописаниях мусульманских святых. Описание такого эпизода скорее всего свидетельствовало о правилах написания *манакиба*. При жизни основателя братства *кубравийа* Неджм ад-дина Кубра (погиб в 1218 г.) в

Хорезме ходили рассказы, правда, сомнительного характера, о взаимоотношениях шейха с неким мальчиком по имени Джамил-джан. Или рассказывают, что еще в раннем детстве известному *накибандийскому* шейху Ходже Ахрару Вали (ум. в 1489 г.) приснилось, что к нему будто бы является шейх Абу Каффал Шаши (ум. в 976 г.) и дает наставления на путь суфизма.

Упоминание по теме «святой человек и мальчик» исследователь находит также и в других житийных сочинениях, например в *манакибе* «*Зийа ал-кулубе*» (Сияние сердец), посвященный самаркандскому *накибандийскому* шейху Ходже Исхаку Дахбиди (ум. в 1599 г.). Автор сочинения рассказывает, что в Восточном Туркестане некий мальчик после случайной встречи с этим известным самаркандским шейхом (учитель) ушел от матери и присоединился к нему. Его соплеменники с трудом силой забрали мальчика обратно. Когда этот мальчик вырос, он стал известным суфием по имени Уштур-халифа.

Другие, более известные суфии смогли пойти по этому пути в других возрастно-физиологических периодах жизни, допустим в подростковом или молодом возрасте. В частности существует рассказ о том, что известный суфийский шейх Сайид Амир Кулол (ум. в 1370 г.) в молодости (*хотя возраст и не детский — И. Л.*) увлекался борьбой и не пропускал ни одного соревнования. По преданию, однажды известный бухарский суфий Баба Самоси (ум. в 1340 г.) остановился возле арены состязаний и бросил взгляд на Амира Кулола, и тот почувствовал, что охвачен мистическим влечением (*джазб*) к шейху. Он последовал за Бабой Самоси и стал его учеником [3, с. 178].

Другим известным суфием исследуемого периода был *накибандийский* шейх Ходжаги Ахмада Косони (ум. в 1542 г.). Судя по сообщению автора *манакиба* «*Джама'ул-макамат*» (Вместилище степеней духовного совершенства), посвященного этому суфию, признаки святости проявились у него еще в детстве. Автор *манакиба* с воодушевлением отмечает особое качество будущего *аулия* — пребывание в сверхъестественном состоянии. Этот феномен автор сочинения объясняет следующими словами: такое феноменальное состояние Его Святейшества было явлено Богом для наставления других (*ахвол-и хаворик-у одот-и он хазрат, ки Худованд барои хидоят-и дигарон ба зухур овард*). Судя по рассказу автора *манакиба*, отец Ахмада постоянно поручал ему работать на садовых плантациях, заниматься сельскохозяйственными работами. Однажды когда мальчик кормил коров, ему пришла в голову мысль, что если он проведет детство в таких рутинных

житийских делах, без должной учебы, то останется на всю жизнь «простолюдином» (*омми*). Как пишет М. Б. Пиотровский, слово «*омми*» или иначе — «*умми*» означает человека, не принадлежащего к народу, который обладает Священным писанием. Это распространенное понимание связано с концепцией мусульманской теории пророчества, согласно которой Мухаммад был неграмотен и потому якобы был особо открыт для божественного откровения [8, с. 85].

Но в житийном тексте данное слово вероятнее всего, означало невежду, неграмотного человека. Видимо, мальчик внутренне не мог согласиться с практикой случайного существования и хотел его преодолеть, подняться на другой уровень и включиться в дело созидания. Как вытекает из содержания *манакиба*, в этом миропорядке человек создан и предназначен для чего-то, и он должен достичь определенных целей.

В вышеуказанном *манакибе* психофизиологическое развитие Ахмада Косони в его раннем периоде детства характеризуется сверхъестественными событиями. Однажды у мальчика возникло желание хотя бы заполучить Коран (*Мусхаф*) и пойти в школу [2, л.54а]. Его одолевали тяжелые раздумья, когда он вдруг заметил, что на земле лежит *Мусхаф* в красивом переплете. На первый взгляд эта находка может показаться волшебным совпадением. Однако здесь действуют особые правила написания житийной литературы, которые исключают фактор случая. Этот житийный эпизод указывает на чудесное дарование мальчику способностей к книжному учению как освящение его духовной культуры. Внезапное духовное просветление обуславливает и быстрое изменение в интеллектуальной сфере. Отныне мальчику легко открывается божественные знания и тайны.

Сначала мальчик решил, что здесь побывали школьники и забыли свою книгу. Ахмад выгнал коров и решил пойти в школу и передать книгу школьникам. В местной школе все ученики с удивлением посмотрели на слишком красиво оформленную книгу и заявили, что не только в школе, но и во всем крае вряд ли найдется такая замечательно сделанная книга [2, л. 48б]. Мальчик возвратился домой и понял, что эта книга — Божий дар (*иноят-и Хакк*). Бог открывается через слово Корана.

С этого времени он начал изучение найденного Корана, забывая при этом про сон, пищу, отдых и общение с людьми. Только в житийном тексте не указано, под чьим руководством он начал изучение Корана или все это ему удалось сделать самостоятельно. Вскоре Ахмад выучил Коран наизусть. Этот *Мусхаф* был дарован свыше (*ма-*

вохиб), будучи проявленным в душе (*мушохада*). В этом контексте существует рассказ (*накл*) о том, что известный раннесредневековый суфий Бишр, родом из Мерва, ученик известного суфия Фудайла ибн Ййада (ум. в 803 г.), обратился к вере благодаря чуду: он нашел на дороге клочок бумаги, сохранил его, ибо на нем было написано имя Бога. Все эти невероятные рассказы относятся к истории раннего суфизма. Они появляются и в житийной литературе позднего средневековья.

Ходжа Ислама Джуйбари. В отличие от вышеуказанных *манакибов*, в агиографическом сочинении «*Са'адия*» (Посвящение Ходже Са'аду Джуйбари), при описании жизнедеятельности бухарского *накибандийского* шейха Ходжа Ислама Джуйбари (ум. в 1563 г.) в известной мере соблюдается правило возрастной хронологии. В каждом определенном физическом возрасте у него происходили соответствующие духовные изменения и душевное развитие. Когда ему исполнилось четыре года, с ним происходили странные вещи. Он просил слуг сопровождать его до далеких, широких и высоких местностей. Когда его доставляли до этих мест, он рассеянно и взволнованно смотрел на окружающую природу. Созерцание природы для него граничило с религиозной медитацией, с религиозным сознанием. В шестилетнем возрасте его отдали в школу. В школе он не играл со ровесниками, всегда молчал. Учеба его также мало интересовала (*ба сабак низ кам мепардохтанд*). В школе он изучал Коран и грамматику (*Каломуллох ва китоб-и савод ончо хонданд*). Ходжа Ислам Джуйбари ходил по улицам рассеянно, неуравновешенно (*дар кучахо бехуш-у ёд мегаштанд*), постоянно терял свои вещи. Его странное поведение раздражало отца.

Шейх Худойдод Азизон. Автор другого агиографического произведения «*Ламахат мин нафахат-ул-унса*» (Отблески от дуновения святости), посвященного известным шейхам братства *джахрийа* Мавераннахра, в частности пишет, что в *джахритском* шейхе Худойдод Азизон (ум. в 1534 г.) черты святости (*осор-и вилоят*) проявились ещё в младенческие годы. Здесь исходным пунктом для размышлений о феномене мусульманской святости стали описание первых дней после его рождения, то есть его история святости начинается сразу после появления на белый свет.

Как пишет автор данного житийного произведения, когда родился Худойдод, из-за занавеса появилась какая-то невидимая рука и в течение сорока дней по ночам возле его колыбели горели свечи. Суфии широко использовали символику света, чтобы сакрализировать те или иные аспекты суфийской теории и практики. Известно,

что Божественный свет (*нур*) не входит в число обычных физических явлений, которые имеют источник в виде материального объекта. Образ «светильника» подразумевает присутствие Божественного света (*нур*) — атрибута Истины. Божественная сущность проявила себя посредством Света. В суфизме допускается возможность обретения сокровенного света, луча (*нур*) для различения истинного от ложного, но предполагается, что этот свет — исключительно результат мистического подвига. Однако в *манакибах* приводятся примеры того, что свет дается будущему *аулийа* еще в младенческом возрасте. Как пишет И. В. Зотова, семантика термина «свет» содержит в себе понятие познания и проявления знания в душе познающего. Сердце в суфийской терминологии выступает носителем потенциального знания (любви), актуализирующее благодаря божественному Свету, проникающему в сердце человека [4, с. 241—242].

Появление Божественного света свидетельствует о том, что Бог желает вести человека по мистическому пути. По словам автора *манакиба*, свечи возле колыбели младенца гасли только с наступлением дня. Вообще, центральное мистическое переживание — это просветление, которое символизируют свет, сияние. Образ света — это знание. Его излучение олицетворяет новую жизнь, даруемую Божеством. Противопоставление света и тьмы лежало в основе духовного мира всех людей средневековья. Известно, что для мистицизма характерна символика света. Феномен откровения описывается в мистицизме как озарение, как излитие Божественного света, как момент непосредственного лицезрения Бога. Невозможно познать Бога иначе, кроме как через Божественный свет.

Когда Худойдоду исполнилось шесть лет, какой-то невидимый человек (*ричол-и гайб*) подсказал во сне учителю местной школы, чтобы тот позаботился о мальчике, ибо в день Страшного суда он (мальчик) будет его покровителем (*мулло-и мактабдор-ро дар хобаш касе мегуфт, ки ин хурдро таълим бикун, фардо-и киёмат шафегъ-и тумешавад*). Феномен предсказания о появлении будущего святого (*аулийа/авлиё*) в *манакибах* XVI в. — явление не новое. Эта агиологическая традиция присутствует и в житийной литературе прошлых столетий. Одновременно этот факт является методом пропаганды учения того или иного *тариката*.

Когда Худойдод поступил в местную школу, ученики порицали и дразнили его из-за большой разницы в возрасте, не допускали в свою среду, избегали общения с ним. Мальчик сидел у входа в класс. В холодную погоду он посещал школь-

ные занятия босиком и без головного убора [7, л. 96а]. Необычность поведения — первый признак святости. Вскоре будущий святой проявил незаурядные способности и далеко опередил одноклассников в чтении Корана, и вообще в учебе [7, л. 99а].

Результаты. Стоит заметить, что важная особенность отражения образа ребенка в житиях мусульманских святых является его физическое и духовное одиночество. Почти во всех рассматриваемых *манакибах* проступает тихий и кроткий образ мальчика, который уклоняется от детских игр и общения со сверстниками. Такое своеобразное одиночество оборачивается активизацией всех его внутренних сил, чтобы найти желанные пути вхождения в таинственный мир суфизма. Обычно посредником общения между ребенком и миром суфизма становится некий неизвестный праведник (*азиз-е*). Религиозное обращение становится залогом нового мировосприятия ребенка и этим актом разрешается его одиночество.

Назидательным и впечатляющим примером мог служить возраст будущего *аулийа*. Почти все авторы *манакибов* в сильно драматизированной манере описывают момент вступления будущих святых (*аулийа /авлиё*) на путь праведности (*тавба*). Но здесь особенность данного вопроса заключается в том, что почти во всех *манакибах*, личностное духовное изменение человека никак не сопряжено с его возрастными изменениями. Авторы агиографических сочинений скрупулезно фиксируют мельчайшие изменения в духовном развитии праведника, его духовное взросление, а его возрастные изменения затрагивают довольно поверхностно. К примеру, в *манакибах* почти не упоминается промежуточный возрастной период между детством и взрослостью какого-либо известного суфия.

Далее в исследуемых *манакибах* присутствует концепт «внутреннего ребенка», означающий обретение или сохранение суфием в душе божественного начала. Поэтому в мусульманских житиях святых присутствуют многочисленные образы «взрослых детей» — юродивых и простых суфиев.

Выводы. Таким образом, история святости известных мавераннахрских суфийских шейхов, например шейха Хусейна Хорезми, шейха Ходжи Ислама Джуйбари и других, начинается с детского возраста. Причиной их внезапного религиозно-суфийского обращения является факт их богоизбранности. Поводом для начала процесса обращения становятся различные непредвиденные явления, происходящие с будущим святым,

допустим случайная встреча ребёнка с каким-то незнакомым праведником, находка мальчиком мусульманского священного текста и прочее. Судя по сведениям *манакибов*, ребёнок — это символ будущего, в противоположность старику как символу прошлого. Он воплощение ангельской чистоты, простоты и божественной природы. Поэтому важное качество ребенка — неведение, открывающее в деле познания истины широкие горизон-

ты. По мнению А. Л. Козлова, «ребенок способен видеть вещи как они есть», воспринимать мир в его подлинном виде, улавливать истинную суть явлений и вещей [6, с. 126]. Ребенок близкое существо к Богу в противоположность взрослому, погрязшего в грехах, отдалившего от Бога [5, с. 97—98]. Кстати, почитания детской святости и мотива страдающего ребенка присуще и христианской традиции [1].

Список источников

1. Абраменкова В. В. Агиологическая психология детской святости // Вестник ПСТГУ IV: Педагогика. Психология. 2007. Вып. 1. С. 33—57.
2. Абу-л Бака б. Ходжа Баха-уд-дин. Джама' ул-макамат, рук. (инв. № 904). Национальная библиотека Таджикистана.
3. Башарин П. В., Аверьянов Ю. А. Суфизм среди таджиков // Таджики: история, культура, общество: сборник статей. СПб. : МАЭ РАН, 2014. С. 158—190.
4. Зотова И. В. Текст и подтекст суфийской газели Мира Таки Мира // Суфизм в контексте мусульманской культуры. М. : Наука, 1989. С. 239—252.
5. Козлова А. Л. Концепт ребенка: философское осмысление и педагогические проекты // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. Серия: философия, социология, искусствоведения. 2012. № 7. С. 124—133.
6. Козлова А. Л. Образ ребенка в творчестве символистов: истоки современного мифа // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. Серия: Философия, социология, искусствоведения. 2013. № 13. С. 97—102.
7. Мухаммад Алим ас-Сиддики ал-Алави. Ламахат мин нафахат ал-кудс, рук. (инв. №1629), Национальная библиотека Таджикистана.
8. Пиотровский М. Б. Коранические сказания. М. : Наука, 1991. 219 с.
9. Шариф ад-дин Хусейн Хорезми. Дждат-ул-ошикин, рук. (инв. № 1838), Национальная библиотека Таджикистана.

References

1. Abramenkova VV. Hagiological psychology of children's holiness. *Vestnik PSTGU IV: Pedagogika. Psihologiya*. 2007;1:33-57 (In Russ.).
2. Abu-l Baka B. Hodzha Baha-ud-din.Dzhama' ul-makamat, ruk. Nacional'naya biblioteka Tadjhikistana. (In Persian).
3. Basharin PV, Aver'yanov YuA. Sufism among Tajiks. Tajiks: history, culture, society: collection of articles. St. Petersburg: MAE RAN; 2014. (In Russ.).
4. Zotova IV. The text and the subtext of the Sufi ghazal of Mir Taki Mir. Sufism in the context of Muslim culture. Moscow: Nauka; 1989. (In Russ.).
5. Kozlova AL. Child concept: philosophical meaning and pedagogical projects. *Vestnik Rossijskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta. Seriya: filosoifiya, sociologiya, iskusstovedeniya*. 2012;7:124-133 (In Russ.).
6. Kozlova AL. The image of a child in the work of Symbolists: the origins of modern myth. *Vestnik Rossijskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta. Seriya: filosoifiya, sociologiya, iskusstovedeniya*. 2013;13:97-98 (In Russ.).
7. Muhammad Alim as-Siddiki al-Alavi. Lamahat min nafahat al-kuds, ruk. (inv. № 1629), Nacional'naya biblioteka Tadjhikistana. (In Persian).
8. Piotrovskij MB. Quranic legends. Moscow: Nauka; 1991. 219 p. (In Russ.).
9. SHarif ad-din Husejn Horezmi. Dzhodat-ul-oshikin, ruk. Nacional'naya biblioteka Tadjhikistana. (In Persian).

Информация об авторе

Л. Э. Исмоилов — кандидат исторических наук, доцент кафедры востоковедения, африканистики и исламоведения института международных отношений.

Information about the author

L. E. Ismoilov — candidate of historical sciences, associate professor, department of oriental, african and islamic studies of the institute of international studies.

Статья поступила в редакцию 27.09.2021; одобрена после рецензирования 31.10.2021; принята к публикации 18.01.2022.

The article was submitted 27.09.2021; approved after reviewing 31.10.2021; accepted for publication 18.01.2022.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.